

18+

Людмила Миловацкая

Корни



Людмила Миловацкая

Корни

«Издательские решения»

Миловацкая Л.

Корни / Л. Миловацкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988119-9

Идеальный брак Литвиновых трещит по швам и супруги решают на время расстаться. Полина уезжает на конференцию в Лондон, Дмитрий отправляется в глухую провинцию в надежде на тихую жизнь, но не тут-то было! В деревне его настигает известие о наследстве. Он спешно отбывает во Францию. Парижский флер накрывает его с головой. Полина встречается в Лондоне с неординарным человеком. Эти события кардинально меняют взгляд каждого из них на себя самого и на жизнь.

ISBN 978-5-44-988119-9

© Миловацкая Л.
© Издательские решения

Содержание

1. На мосту	6
2. Казино	9
3. Амстердам	13
4. Клуб по интересам	16
5. За монастырскими стенами	18
6. Семейные будни	22
7. Второй День рождения	24
8. Нескучные поминки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Корни

Людмила Миловацкая

Редактор Максим Журавлев

Дизайнер обложки Виталий Цветков

© Людмила Миловацкая, 2020

© Виталий Цветков, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8119-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. На мосту

Двери роскошного двухэтажного автобуса плавно раздвинулись, выпустив на свободу стайку пассажиров. Отовсюду послышались восторженные оклики, замелькали вспышки фотоаппаратов. Тишина и сумрак ночи, царившие минуту назад, развеялись, будто и не было.

Небольшого роста женщина громко похлопала в ладоши:

– Дамы, господа, мы находимся в одном из излюбленных мест наших горожан. Оглянитесь вокруг, – туристы послушно завертели головами. – Фантастическая картина, не правда ли? – Женщина широким жестом провела перед собой. Она по праву гордилась не только родным городом, но и своим хорошо поставленным голосом и безупречным английским.

– Прошу простить, можно все говорить по-русски? Нам это очень надо! – попросил руководитель группы.

– Ой, забыла, вам ведь нужна практика! – спохватилась экскурсовод.

– Ничего, позлуста, английский иногда тоже можно, только не здесь, в Питере.

– Этот город полон чудес и загадок, – старательно выговорил молодой японец.

– Вы совершенно правы. Вот сейчас мы стоим над рекой, где-то на ее середине. Чугунный мост, возведенный талантливыми инженерами почти два века назад, выглядит мощной монолитной конструкцией. Но пройдет совсем немного времени, мост «оживет». Как чудесная красивая птица, он взмахнет своими огромными крылами, и его разомкнутые половинки превратятся в часовых, салютующих проходящим кораблям. Ровно через три часа мы сможем в этом убедиться, а сейчас прошу за мной. – Понизив голос, она кивнула в сторону одиноко стоящей фигуры: – Дадим возможность молодому человеку побыть в одиночестве.

– Да, да. Это надо, – понимающе заулыбались японцы. – Возможна, это поэт или художник!

Проходя мимо молодого человека, экскурсанты невольно затихали, замедляли шаг, вглядывались в зыбкую перспективу города и вздыхали:

– Да, очень, очень красиво.

– Дивный, чудный город.

– Какое необычное небо, удивительная река...

Молодая пара, отделившись от группы, встала рядом с незнакомцем. Держась за руки, вглядывались в полуразмытые сумраком белой ночи очертания города, вздыхали, тихонько переговаривались:

– На этом месте можно стоять часами...

– Таюко, Тоя, не отставать! Мы сюда еще вернемся! – окликнула их экскурсовод.

Туристы слегка поклонились незнакомцу и поспешили к своей группе.

Молодой человек не ответил на поклон, он не видел, не слышал, не замечал ничего происходящего вокруг. Вот уже с четверть часа он стоял на мосту. Опираясь на холодный чугун перил, всматривался то в размытую перспективу города, то в бледно-зеленое небо.

Шуточное предположение экскурсантов оказалось почти верным: молодой человек, Дмитрий Романович Литвинов, не был художником, но тоже был творцом. Созданные им проекты мостов высоко ценят в его родной стране и за рубежом.

У него есть все, о чем его сверстники могут только мечтать – интересное дело, неплохие деньги и даже слава. Два его последних проекта выдвинуты на престижные международные конкурсы, один из них отмечен высокой оценкой жюри, молодой инженер получил главный приз, солидную премию и широкую известность в кругу профессионалов. У него есть хорошие, проверенные временем друзья, он нравится женщинам...

Но сейчас он чувствовал себя несчастным и одиноким. Глобально, трагически одиноким. Именно сейчас он осознал это как никогда ясно. Несколько дней назад самый главный, самый дорогой в его жизни человек, любимая, единственная женщина сказала: «Уходи!»

Дмитрий ушел из дома, не взяв никаких вещей, и почти не раздумывая поехал в Питер. Этот город всегда понимал и принимал его.

Они любили друг друга – талантливый художник и самый фантастический город мира. Дмитрий чувствовал свою причастность к большим и маленьким тайнам Петербурга, ощущал ответное доверие, старался быть достойным его. Сколько раз он приезжал сюда, с неразрешенными проблемами, с неясными еще надеждами.

Дмитрий точно знал: Петербург полон чудес для тех, кто верит в чудеса, здесь может осуществиться любое, самое несбыточное желание. Его самым большим желанием было забыть вчерашний день, вычеркнуть его из памяти, из жизни. Не было бы тогда размолвки – не произнеслись бы горькие обидные слова. И все из-за чего? Из-за пустяка! Сказать кому, из-за чего возникла ссора – никто не поверит, не поймет... Разве что он?

Дмитрий побрел вдоль моста, не спуская глаз с голубоватой панорамы города.

«Вот отсюда, с этой самой точки, можно увидеть его парящий силуэт, надо только немного приподняться». Не устояв от искушения, Дмитрий остановился, привстал на цыпочки и увидел его, вечно юного и прекрасного, кроткого и могущественного друга – парящего над Сенной площадью Ангела. Он уже обо всем знал.

– Только бы суметь понять друг друга, простить, снова и навсегда быть вместе, – торопливо зашептал молодой человек.

«Все так и будет», – коротко обронил прекрасный Ангел и взметнулся ввысь. Как всегда, он куда-то торопился. Это и понятно: сколько людей нуждалось в его совете и помощи! Дмитрий еще с минуту полюбовался оставленной на постаменте бронзовой оболочкой: она была под стать своему хозяину – неудержимо стремительной и блистательно красивой. Галогеновые лучи подсветки позволяли в полной мере насладиться совершенством изваяния.

– Какая высота! Непостижимо! – непроизвольно громко выдохнул Дмитрий.

– О, май фрэнд! Вы ошень, ошень правы! Дэз из вэри, вэри файн. Пожалуйста, фотографируйте нас на этом фоне. Вот так, – пожилые супруги обнялись и открыто посмотрели в объектив фотоаппарата. В яркой вспышке блеснули ослепительные улыбки.

– Спасибо. Как вы думаете, фото будет получаться?

– Непременно. У вас очень хороший аппарат. Но если хотите, сделаем еще один кадр.

Американская пара с профессиональной готовностью снова подарила объективу лучезарные улыбки.

Еще раз поблагодарив незнакомца, пожилые люди взяли за руки и не спеша последовали дальше.

«Господи, как они уверены в себе, как безмятежны, как открыто радуются друг другу и всему окружающему. Какое счастье найти свое место в этом мире, какое счастье»!

Дмитрий не спеша двинулся по Невскому. Несмотря на позднее время, на Невском было полно людей, в основном туристов. Все они были радостно возбуждены, полны желаний, жизни. По мере продвижения сквозь праздную толпу настроение Дмитрия менялось. Воспоминания о недавнем чуде основательно поблекли. Восторженное настроение растаяло, как и не было. На смену ему пришло раздражение и недовольство собой.

«Господи, ну почему большинство людей живут размеренной безмятежной жизнью? Почему такое существование невозможно для меня? С какой стати я должен думать о судьбе всех и всего, почему так болит сердце за Россию? Что мне, больше всех надо?»

Раздражение нарастало в нем с каждой минутой, отравляло кровь, иссушало душу, затмевало разум. Необходимо было что-то предпринять.

Дмитрий заглянул в первый попавшийся бар. Выпив виски, огляделся по сторонам: в полутемном помещении жались по углам какие-то странные бесцветные личности. Ему показалось, что это не живые люди, а лишь тени. И сам он – такой же пустой, равнодушный ко всему, не человек, а его жалкое подобие, пустая оболочка.

Дмитрий попросил еще виски, немного обождал: почувствовав горячий толчок сердца, немного успокоился.

Ему страстно захотелось оказаться в каком-нибудь уютном, нет, мало того – роскошном месте, где обитают полноценные живые, из плоти и крови, люди. Он вспомнил вдруг рассказ приятеля о недавно открытом, разумеется, подпольном, казино. Запрет на существование любых игровых заведений не смущал посетителей, напротив, придавал банальной игре в рулетку дополнительный интерес, особую остроту. Клуб, приютивший казино, в самое короткое время стал одним из самых дорогих заведений в городе.

Швейцар пропустил его без звука, как завсегдатая. Он был настоящим профессионалом своего дела, нужных людей определял за версту. Никакие шмотки и разухабистые манеры не могли замаскировать от него случайных, никчемных посетителей. Его напарник, недавно взятый на этот пост по чьей-то рекомендации парень, лез из шкуры, чтобы доказать свое право на почетное место у роскошных дверей. С сомнением поглядев гостю в спину, тихонько спросил:

– Кто это? Он показал свою карточку?

– Угу, – односложно ответил напарник.

– Что-то не припомню его среди наших постоянных посетителей. Жалко, не заметил, на какой он тачке приехал. Одет черте во что, и вообще, видок какой-то... На серьезного клиента не тянет. Девять против четырех, у него и пятисот баксов в кармане нет.

– Ему и этого будет достаточно. Он пришел не проигрывать. Видел, какое у него лицо? Такому все уже по фигу, не то что паршивые тугрики. Помяни мое слово: этот парень сорвет сегодня самый крупный куш.

2. Казино

Дмитрий жадно вобрал ноздрями воздух зала: аромат дорогих духов, сигарет, отличного кофе... Негромкие голоса, сдержанный смех, скользкие движения obsługi... Он не спеша прошелся по первому залу, миновал второй. Смотрел не столько на столы, сколько на лица. В третьем, совсем небольшом полутемном зале остановился и сразу же наткнулся взглядом на бледного молодого человека. Тот будто ждал его. Оборвав разговор с какой-то девицей, незнакомец подошел к Дмитрию, доверительно сообщил:

– Стоящая игра только за третьим столом. Вы присоединитесь?

Дмитрий молча кивнул.

Величина первой ставки его не смутила – ровно столько наличных было у него в кармане. Снимать деньги с карточки в дальнейшем он не собирался. Он чувствовал, что выиграет; не знал точно сколько, но обязательно выиграет. Непостижимым образом это поняли еще несколько человек: крупье, бледнолицый незнакомец и молодая женщина пронзительной, почти отталкивающей красоты. Она встала у него за спиной, как только Дмитрий уселся в кресло.

Игра закончилась удивительно быстро. Несмотря на высокие ставки, игроки легко расставались с деньгами. Никто из них не выглядел хоть сколько-нибудь расстроенным. Обернувшись к молодому человеку, Дмитрий тихо спросил:

– Сколько?

– Десять процентов, – спокойно произнес тот и помог собрать деньги. – Машина ждет внизу, я провожу.

Оба не спеша покинули зал, вслед им никто не обернулся. Небольшая заминка произошла лишь у выхода. Уже сделав несколько шагов от дверей, Дмитрий резко развернулся и всучил швейцару несколько крупных купюр. Тот принял их как само собой разумеющееся, словно знал: сегодня ночью судьба свела их не случайно. Только после такой встречи могло произойти то, то произошло.

Увидев на заднем сиденье машины девицу с длинными змеиными глазами, Дмитрий ничуть не удивился. Вручив ей пакет с деньгами, оглянулся на швейцара, плюхнулся на сиденье.

– Зачем отстегнул ему столько бабок? Не по чину берет! – невыразительным голосом сказала незнакомка.

– Куда едем? К тебе, ко мне? – вместо ответа спросил Дмитрий.

– На Приморское! – бросила шоферу девица. – Тебе надо расслабиться.

Дмитрий откинулся в кресле, казалось, задремал. Предопределенность сегодняшней ночи его томила. Он почти наверняка знал, что ничего хорошего из этой поездки не выйдет. Казалось, линия его судьбы натянулась и звенела от напряжения.

Чувство скованности нарастало. Он ощущал себя завязшей в смоле мухой. Умереть не боялся, но ужасно не хотелось, чтобы его судьбу решала эта змея.

Вдруг стало жалко себя, подумалось: «Наверное, я сильно разозлил кого-то там, наверху». Он потер ладонями лицо и приоткрыл окно. Вместе с утренней свежестью просветлело в голове: «Любым способом вырваться из машины!»

В лучах восходящего солнца блеснули купола маленькой церквушки.

– Стой, – резко велел он шоферу. – Зайду в храм, свечку надо поставить за упокой души. Водитель не отреагировал на его слова. Будто не услышал.

– Я сказал остановись! – резче повторил Дмитрий.

Водитель взглянул на девицу, та кивнула.

– Рано еще, наверняка все церкви закрыты, – недовольно пробурчал шофер, но дал задний ход.

– Я быстро, – на ходу бросил Дмитрий. – Туда и обратно...

«Только бы церковь была открыта», – надеясь только на чудо, подумал он. Потянул тяжелую дверь на себя, она открылась!

В полутемном помещении сидела женщина. Дмитрий не сразу понял, что сидит она не у стола, а у гроба. В своей жизни он видел уже столько, что вид умершего не мог его смутить. Но он долго не мог заставить себя взглянуть на покойника. Сначала увидел высокое бледное чело с церковной ленточкой, потом правильной формы нос, потом и все лицо – лицо молодого, почти юного человека. Смерть не успела исказить его черты.

– Авария? – тихо спросил женщину.

– Нет, наркотики.

– Передозировка? Простите, я не имею право спрашивать вас...

– Почему же... – спокойно ответила женщина. – Точно причина смерти не ясна, может и впрямь передозировка, может и помог кто. Игорек ведь решил навсегда бросить это дело. Хотя теперь это не так неважно.

Спокойствие женщины выглядело противоестественным, как и все, впрочем, в эту ночь.

Дмитрий целиком принял правила этого странного дня, потому спросил попросту:

– Вы так спокойны... Вы предполагали подобный исход, были готовы...

– К смерти? Как можно быть готовой к уходу человека из жизни? С этим трудно смириться, даже когда нас оставляют деды, родители, а тут... – женщина провела рукой по белоснежному покрывалу в гробу. – Впрочем, не нам судить. Видно, так надо было.

– Кому? Богу?!

– У нашего Бога нет мертвых, мы у него все живые. Так надо было Игорьку, чтоб не успел он свою душу погубить. Он ведь у меня очень хорошим мальчиком рос: умным, ласковым. Учился всегда хорошо, в университет поступил сам, без всяких денег – откуда мне их взять. Поступил учиться – я и успокоилась, думала, теперь все как по маслу пойдет. А вышло вот как...

Женщина повернулась к Дмитрию, взгляделась в его лицо.

– А ты чего ж в такую рань пришел? Служба начнется часа через два. – Рассмотрев его лицо, с тревогой добавила: – Да ты, сынок, вроде как не в себе...

– Я вроде вашего сына, – кивнув на гроб, ответил Дмитрий, – почти покойник.

– Бог с тобой, неужто руки на себя решил наложить?

– Нет. Я, пожалуй, еще пожил бы, но кое-кто с этим не согласен.

Женщина оглянулась на скрипнувшую дверь. По деревянному полу зазвучали громкие шаги.

– Долго тебя еще ждать? – девица, а вслед за ней и водитель приблизились к Дмитрию.

Увидев гроб, шофер немного отступил, девицу это ничуть не смутило.

– Пошли, – дернула она за руку приятеля. – Что встал как вкопанный, жмуриков не видел?

– Ты чего здесь расшумелась? Забыла, где находишься? – из темного угла вышла очень старая женщина в черном одеянии: то ли монашка, то ли церковная служка.

Девица осеклась под твердым взглядом ее очень светлых глаз: замолчала не из-за уважение к старости, а перед ее силой – силой духа.

– Веди себя как положено в доме Господа, или уходи.

Девица растерянно оглянулась на сопровождающего. Тот пожал плечами и отвернулся.

– Дайте человеку проститься с другом, – тихо произнесла женщина.

– Так ты что, знал, куда мы едем?! – не скрывая изумления, воскликнул водитель.

– А чего бы я тащился с вами в такую даль, – как можно уверенней произнес Дмитрий.

– Ну ладно, постой еще немного, но учти, я одного тебя здесь не оставлю, можешь не сомневаться, – сквозь зубы произнесла девица.

– А я говорю, иди отсюда. У вас мои деньги, куда я денусь...

Недолго подумав, девица решительно развернулась. Уже на ходу громко бросила:

– Через пять минут не выйдешь, пеняй на себя!

– Вот видите... Сам не знаю, как все получилось. Будто морок какой, – начал Дмитрий.

– Не трать время на пустые слова! Беги! – оборвала его женщина. – Матушка Ефросинья покажет, куда.

– А как же вы? Что, если они...

– Я свое отбоялась, – усмехнулась женщина. – Иди спокойно. Скажи, как твое имя? Помолюсь за тебя.

– Дмитрий. Вот, возьмите, пожалуйста, матушка, – с запинкой произнес он, – не побрезгуйте. Это мои, честные деньги, – и торопливо вынул из кармана свою тысячу долларов.

Женщина хотела возразить, это было очевидно, но взглянув молодому человеку в лицо, взяла.

– Ступай с Богом, деньги на пустяки не потрачу, все в этом доме и оставлю.

– Ну давай, соколик, пойдем, а то как раз злодеи вернутся, – с усмешкой проговорила матушка Ефросинья и очень резко повела его в сторону алтаря.

Ровно через пять минут в церковь вихрем ворвалась девица. Не увидев клиента на своем месте, грязно ругнулась:

– Так и знала. Ну, божьи одуванчики, куда вы его спрятали? – приступила она к женщине у гроба.

Та, не поднимая головы, продолжала читать вслух какую-то молитву. Девица огляделась: никого кроме двух старух в церкви не было. Монашка, напевая какую-то молитву, не спеша зажигала лампадки перед иконами.

– А куда подевался парень-то? – подступился к ней шофер.

Та даже не повернула головы.

– Ладно, пойдем отсюда, от них все равно ничего не добьешься.

– Надо бы вокруг посмотреть, без машины он далеко не уйдет, – упрямылась девица.

– Да на что он теперь нам сдался? Небось уже оклемался, фиг теперь его к себе заманишь. Говорил тебе, надо было добавить в бутылку в машине, – не стесняясь присутствия женщин, громко говорил парень. – Теряешь квалификацию.

– Это ты брось, деньги-то у нас.

– Мы могли бы доить его...

– Это еще неизвестно. Тебе самому-то такой куш не каждый день обломится.

– Бывало и больше...

– А риск? Мокруха, как ни крути, гнилое дело. А тут все честь по чести – сам выиграл, сам отдал.

– Ладно, его давно и след простыл. Может, мы его еще увидим... сама же видела – наш клиент! Можно брать тепленьким.

Громко топая, непрошеные гости вышли из храма. Поеживаясь от утренней прохлады, шофер поспешил к машине:

– Интересно, кто он такой? На богатенького наркошу не похож.

– Какая разница, отчего он такой малохолный, крышак у него съехал конкретно. Ему давно все по фигуре. Убрать такого – сделать одолжение. Ну ладно, все, поехали. Я уже замерз и жрать хочется. Тут километра через два отличный кабак, работает круглосуточно.

– Поехали, – отбросила сигарету девица. – Жалко, не успели посмотреть его документы. Скорее всего, он не питерский. И прикид, и говорок какой-то...

– Москвич небось, – лениво отозвался шофер.

– А скорей всего, из наших бывших соотечественников. Они как проживут за бугром лет десять, приезжают в Россию в полном неадеквате. Жаль... Такого теленка потеряли.

– Чего уж теперь, – громко зевнув, шофер потряс головой и взялся за руль.

Взвизгнув тормозами, машина рванула вперед.

Дмитрий вышел из укрытия сам не свой. Кое-как добрался на попутке до своей гостиницы. Купленную в баре бутылку виски начал пить еще в лифте. Через десять минут, обессиленный и бесчувственный, рухнул на кровать. Проспал почти сутки. Разбудил его звонок телефона. Звонила двоюродная сестра с Алтая.

– Не забыл про свое обещание приехать в отпуск? Мы вас ждем. Приезжайте пораньше, Макар-то наш решил жениться, через неделю будет стовор, помолвка по-вашему, а потом и свадьба. У невесты родня богатая, и нам бы не хотелось в грязь лицом ударить. Пусть видят, что и наши родичи не лыком шиты, как-никак интеллигентные люди из Москвы. Как возьмешь билеты, позвони, встретим.

3. Амстердам

Некоторое время Дмитрий сидел неподвижно, тупо уставившись на телефон.

«Какой такой стговор, при чем тут богатая родня?..»

Ужасно хотелось кофе, но сил и желания спуститься в кафе не было. Проверил свой денежный баланс – слава богу, на счету осталась приличная сумма.

Заказав завтрак в номер, отправился в ванную. В голове прояснилось: итак, жизнь продолжается. Анна, двоюродная сестра, еще месяц назад говорила о готовящейся свадьбе, они с Полиной собирались поехать вместе.

Алтайские родичи объявились неожиданно, как раз перед их с Полей свадьбой. Новообретенная родня пришлась ему по душе, особенно сдружился с двоюродной сестрой, Анной. Ее сын, Макар, тоже оказался отличным парнем – общительным, веселым и неглупым.

«Стало быть, у Макара свадьба. Куда торопится? Он ведь еще совсем пацан!»

Дмитрий вспомнил лицо племянника – веснушки на носу, широкая улыбка, каштановые вихри во все стороны... Когда же мы в последний раз виделись? Четыре года назад, он тогда на военную службу собирался, просился на флот. Стало быть, сейчас ему где-то двадцать три, двадцать пять... Рановато ему жениться... Впрочем, никто не знает, как может сложиться семейная жизнь.

Билет на самолет заказал в один конец – «в запасе дней двадцать отпуска, поживу там с недельку, а там видно будет». Лететь в Горно-Алтайск решил из Москвы: очень хотелось повидаться со своим старшим другом, Сергеем Зотовым. Правда, теперь, после пострига, у него другое имя – отец Феофан. Привыкнуть к нему было непросто, но сейчас даже в мыслях обращался к товарищу только так. Дмитрий знал, что мирские проблемы могут нарушать монашеский распорядок друга, но потребность в его совете сейчас просто жизненно необходима.

Прежде всего, Дмитрий отзвонился начальству. Попросил оформить дополнительный отпуск за свой счет.

– Я же закончил проект раньше времени. К новому еще не приступали. Мне бы исчезнуть на месяцкишко – и я готов к новым свершениям, – уговаривал он шефа.

– Ладно, отдохни... И то сказать, ты отпуск не брал года два. Так что можешь взять законный оплачиваемый отпуск за все положенное время. С новым проектом у нас заминка, необходимо согласовать кучу документов... Думаю, это надолго. Надеюсь, моя доброта не забудется? Могу рассчитывать на дивиденды? В следующем квартале предстоит аврал...

– Когда я вас подводил?..

– Ну-ну... Так что заскочи завтра на работу, черкани заявление – и с Богом!

– Мне б не хотелось сейчас приезжать в Москву. Пусть Олег за меня подпишет заявление.

– Варламов? Ну ты даешь! Ладно, так и быть, скажи спасибо, что я сейчас сытый и добрый.

Дмитрий облегченно вздохнул, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Внутренним взором окинул монастырское подворье, тихие кельи, вспомнил милые лица монахов, тишину, особые разговоры, и ему нестерпимо захотелось приехать туда.

После недолгих раздумий набрал номер сотового отца Феофана. Загадал: если подойдет к телефону, то поеду к нему, нет – так тому и быть.

Отец Феофан откликнулся сразу, будто ждал звонка. На сбивчивые извинения Дмитрия ответил коротко:

– Приезжай, жду.

В салоне «Сапсана» было как всегда уютно. Дмитрий собирался подремать, но обступившие мысли не давали покоя. Перестав сопротивляться, он разрешил себе вернуться к воспоминаниям.

Предложение посетить Нидерланды появилось неожиданно. Нельзя сказать, что перспектива повидать страну тюльпанов очень вдохновила. Для порядка просмотрел несколько путеводителей: земля, отвоеванная у моря, города, пересеченные вдоль и поперек каналами, «падающие» дома на сваях, ветряные мельницы...

Полина увещевала:

– Когда еще выпадет такая возможность?! Походишь по музеям: Рембрандт, Ван Гог, малые голландцы... И вообще, там есть что посмотреть: Северное море, Делфт, Роттердам, Гаага, оттуда рукой подать до Бельгии, а там Босх, кружевной Брюгге, Люксембург... Центральная Европа: уютно, спокойно, предсказуемо... Кроме того, встретишься с нашими друзьями, с Робертом. Ты же знаешь, у него там свой бизнес. Говорит, что с торговлей все благополучно, но не хватает общения со своими людьми. Я бы так хотела поехать с тобой, ужасно жаль, что не отпустят с работы. Вот если б недельки через две-три...

«Трудно жить в Амстердаме и не быть сбитым велосипедистом». Эту местную шутку Дмитрий услышал в первый же день своего пребывания в Нидерландах, и оценил ее по достоинству. Друзья и многоопытные путешественники предупреждали: в Голландии, мол, много велосипедов, и каждый так и норовит наехать на незащитного туриста. Однако их реальное количество оказалось неправдоподобно, запредельно большим. Всадники на допотопных чугунных мустангах появлялись из ниоткуда, со свистом проносились мимо растерянных туристов. «Люди неместные» провожали затравленными взглядами этих отвязных велотеррористов и опасливо жались к домам.

Шок от невероятно большого количества велосипедистов прошел на удивление быстро.

Непостижимым образом Дмитрий научился предугадывать их появление: «Один промелькнул, второй приближается, третий примечается, четвертый (или какой там по счету) мерещится». Воистину, мотивация – великая вещь!

К счастью приезжих, местные жители иногда перемещались и пешком.

После нескольких дней пребывания в Амстердаме Дмитрий без труда различал коренных жителей, появились узнаваемые лица. Ему доставляло удовольствие обмениваться улыбками и парой приветственных слов с незнакомыми людьми.

Местных можно было отличить без труда: нарочитая небрежность в одежде, улыбчивость, учтивость, доброжелательность и в то же время некая отрешенность.

Поведение горожан наводило на мысль об осознанном выборе стиля жизни. Слово «толерантность» не раз приходило на ум. Эти предположения подтвердил и Роберт.

Он был несказанно рад приезду соотечественника. Отложил все свои дела и повсюду сопровождал гостя.

На долгих прогулках по Амстердаму много говорилось об особенностях жизненного уклада нидерландца, их приверженности Gezilligbeid.

Роберт потратил немало усилий, чтобы объяснить значение этого явления.

– Понимаешь, это слово трудно дословно перевести, но если очень приблизительно, оно обозначает состояние полного удовлетворения, внутреннего комфорта. В это понятие входят и образ жизни, и вкусовые предпочтения, и манера поведения...

– Это некая интегральная составляющая?

– Ну да, можно сказать и так. Gezilligbeid – краеугольный камень, определяющий образ жизни нидерландцев. Выражаясь по-вашему, по-научному, – не преминул съехидничал Роберт, – Gezilligbeid – это вектор развития нидерландцев. Терпимость на голландский манер – вот лицо Gezilligbeid.

Дмитрий был совершенно очарован городом и его жителями. Он делал свои заметки, внимательно выслушивал критические замечания Роберта.

– Заметил, как они одеваются? У наших бомжей одежда лучше, а между прочим, среди этих парней немало очень состоятельных людей. А что за манера общения? Представь себе, приглашают в гости за несколько месяцев, и не дай Бог ты приведешь с собой друга – окажется, что для него нет еды и выпивки.

– Не знаю... мне кажется это забавным. При общей тенденции к глобализации подобные мелочи приобретают особую значимость. В конце концов, именно традиции сохраняют идентичность любого народа. И стиль одежды, андеграунд кажется, мне близок. Мне эти ребята определенно нравятся!

– А вот эта картинка тебе тоже нравится?

Роберт кивнул головой на дорогу. По ней двигалась вереница совершенно голых велосипедистов.

– Это что? Какая-то демонстрация?

– Демонстрация все той же свободы.

– Смешные ребята, право, они мне все больше и больше нравятся. И что-то это все мне напоминает... О, детский сад! Тебе не кажется, что все эти «прыжки и гримасы» похожи на детсадовские страшилки?

– Мне кажется, у них что-то типичное не то с пониманием свободы. Ну ладно, если кому-то нравится выставлять напоказ свои чресла – хрен с ними. В конце концов, окружающие могут на них и не смотреть. А как тебе такой пример: женщина надела красивую дорогую шубу, радуется, а тут к ней подбегает какой-нибудь защитник природы и делает ей не только словесное замечание, но и помечает особым знаком, например, обливает зеленкой. И как быть с правами этой женщины, считающей, что носить шубу из шкур убитых животных ничуть не хуже, чем поесть их мясо?

– «Личная свобода человека кончается там, где начинается свобода другого»?

– А ты что, не согласен?

– Я лично согласен, в общем и целом, но...

– Во, уже набрался голландских привычек. О чем бы ни говорили, как бы ни соглашались, в конце обязательно вернут свое «но», даже если речь идет о чем-то совершенно очевидном!

– Забавно. Мне кажется, я их хорошо понимаю. По мне, так жизненный уклад любого человека или страны – их неотъемлемое право. Чем разнообразнее люди и нации, тем лучше, ярче и богаче жизнь. Вот, например, роза, самый совершенный цветок... Что, если повсюду будут расти только розы? Кошмар. Как говорится, в каждом монастыре – свои законы. Здесь столько эмигрантов... Мне кажется, к ним очень неплохо относятся.

– Это ты говоришь потому, что живешь здесь всего ничего. И отношение к тебе как туристу – вполне понятно: ты приехал сюда тратить деньги. А вот если б ты сюда приехал, чтобы зарабатывать... Вот пожил бы тут, и понял: эмигрант эмигранту – рознь.

4. Клуб по интересам

За неделю накопилось немало мелких непоняток, нестыковок, их количество нарастало с каждым днем и множило вопросы.

Роберт свел его со своими друзьями.

– Не представляешь, какие классные ребята, среди них не только голландцы, немцы, русские, англичане. Многие моложе нас, но секут ситуацию в мире получше, чем любые профессиональные политологи.

Собирались ребята в одном из тихих кофешопов. Дмитрий считал себя вполне искусным в ведении полемики, но первое время предпочитал отмалчиваться: он был обескуражен объемом новой информации, свободой мыслей, умением четко их формулировать, а главное – культурой ведения дискуссии. Никакого ора, мнение каждого выслушивалось предельно внимательно, все умели соглашаться, спорили всегда аргументированно и корректно.

Здесь пытались понять, почему сдают свои позиции многие либеральные ценности Запада, говорили о двойных стандартах, детерминированности свободы, диктатуре плюрализма.

– Политкорректность направлена на сглаживание противоречий, смешение культурных и религиозных традиций, – уверенно говорил одни.

– Получается, политкорректность – это не только признание непреодолимости противоречий, но и запрет на их разрешение, – так же убежденно отвечали другие.

В результате продолжительной дискуссии большинство участников пришли к общему знаменателю: «На сегодняшний день принцип всеобщей терпимости превратился в орудие дискриминации, даже репрессии для тех, кто не желает его соблюдать».

О взаимоотношениях Запада и России, их возможных путях развития тоже говорилось много. Дмитрия поразило и огорчило высказывание шотландского парня о будущем России. По его мнению, русских ожидает та же участь, что евреев и шотландцев.

– Даже по официальным данным количество русских, живущих вне своей страны, огромно, и с каждым годом их количество будет только расти, – уверял он окружающих. – Для одной страны слишком много революций, войн, неумелых реформ, экспериментов. Чего стоит только революция в начале двадцатого века!

Дмитрий не сразу нашелся с ответом. Выслушав выступление шотландца до конца, попытался максимально обоснованно высказать свое мнение.

– У каждой страны, как у человека, своя судьба. В России как в гигантском зеркале отразилась вся история и поиски европейской цивилизации. Но европейцы категорически не хотят признать этот очевидный факт. В свое время мы заразились революционными идеями Руссо, Вольтера, Дидро, которые питали умы лучших людей России. Мне странно, что вы с такой ненавистью говорите о большевиках, не видя идеологических корней и родства. Жестокость большевиков мало чем отличалась от беспощадности Робеспьера. А чиновничий беспредел советской бюрократии сродни Брюссельскому. Мы не хотим учиться на ошибках друг друга, и потому вновь и вновь повторяем их.

Молодые люди с большим интересом выслушали его точку зрения. Но большинство вопросов касалось его личного отношения к толерантности и свободе.

– Говорить о свободе и быть свободным – огромная разница. В СССР не было демократии, но была свобода, свобода от предрассудков, власти денег, от страхов, каких бы то ни было стандартов. А что касается терпимости... С одной стороны, это неизбежное и необходимое качество в современном мультиполярном мире. И здесь очень важно не перейти некую грань...

Неожиданно для всех в разговор вступил Роберт. Медленно, с расстановкой, со специфическим акцентом он важно изрек:

– Как говорили уважаемый философ Дени Дидро «Терпимость неизбежно ведет к равнодушию»!

Все согласно закивали головами. Дмитрий про себя усмехнулся. Он давно заметил за Робертом забавную особенность. Прекрасно владея английским языком, в нужное время и в нужном месте он говорил с нарочито восточным акцентом. Роберт с блеском применял выверенную десятилетиями тактику приехавших с юга товарищей. В России этот истертый штамп применялся все реже, мало кто покупался на него, но в Европе этот прием срабатывал безоговорочно. То, что не спустились бы своему брату-европейцу, легко и снисходительно прощалось эмигранту.

Вечер подходил к концу. Результатом дискуссии стал общий вывод, вполне себе позитивный и, разумеется, толерантный: в мире назревают серьезные цивилизационные перемены, а поскольку мир не так уж велик и все процессы в нем связаны, то нужно чаще встречаться, обмениваться мнениями, стремиться к взаимопониманию и сотрудничеству.

С новыми знакомцами расставались друзьями. Все присутствующие получили приглашение посетить известный политический клуб в Шотландии, а Дмитрий получил личные приглашения погостить в Швеции и Италии. Он в ответ пригласил ребят в Москву.

5. За монастырскими стенами

Первые же минуты пребывания на родине подействовали на Дмитрия как холодный душ. Недружелюбные сограждане торопливо бежали по длинным коридорам аэропорта. Никто ни на кого не глядит, не замечает, каждый сам по себе. Заденет – не оглянется. Да, еще одна загадка: только что эти молодые люди галантно распахивали двери перед дамами, подносили сумки. Улыбались. Что же здесь делается? Об этом тоже очень и очень хотелось подумать и обсудить с близким человеком, прежде всего, конечно, с Полиной.

Уф, наконец-то он дома. Полина, наскоро улыбнувшись, поспешила на кухню:

– Ты проголодался?

– Нет, я хорошо поел в самолете.

Ему не терпелось поделиться мыслями. Впечатлений от поездки было так много, что он сходу начал:

– Всем известно, что Евросоюз построен на принципах толерантности, но одно дело – узнавать что-то со стороны, другое – познать, почувствовать кожей.

– Любая информация, пропущенная через сердце и обогащенная личным опытом, приобретает новый смысл, – согласно кивнула Полина.

Она сосредоточенно смотрела на посудину с кофе. Заметив поднимающуюся ароматную шапку, ловким движением сняла турку с огня, разлила кофе по чашкам и села за стол напротив. На спокойном лице – приветливая улыбка, в глазах – внимание и неподдельный интерес.

Дмитрий улыбнулся своей мысли: «Какое счастье иметь жену-друга, единомышленника. Соратника...» и принялся рассказывать о том, что поразило его.

Прежде всего – вопросы, которым он не нашел объяснения: о диктатуре демократии, двойных стандартах, о стремлении к середине во всем, о негласных рамках толерантности и свободы слова.

– Удивительно, люди в современной Европе хотят знать закрытую информацию, но только ту, и в той мере, в которой эта информация укладывается в устоявшуюся для них картину мира. Они не хотят испытывать слишком сильных эмоций, им неприятно слышать о реальных ужасах войны, учиться на ошибках других они тоже не желают.

Повсюду кричат о свободе и сами загоняют себя в рамки искусственных идей.

Но ведь так очевидно, что любая искусственно созданная система не может долго существовать, а навязанные извне принципы разрушают не только социум, но и душу человека.

Чем больше он говорил, тем больше мрачнела Полина. Дмитрий не сразу увидел перемены в лице жены, а заметив, осекся и озадаченно спросил:

– Ты слушаешь? Может, тебе это не интересно?

– Представить себе не можешь, насколько интересно. Что такое западная цивилизация, я имею примерное представление, но что ты такой наивняк... Твои рассуждения недостойны цивилизованного человека. Да кто ты такой, какое имеешь право осуждать европейцев? Это их выбор, осознанный выбор, коллегиально принятое решение! Это их правила игры! И мне глубоко безразлично, искусственно они созданы извне или нет! Главное, эти правила обеспечивают своим гражданам легкое необременительное существование.

Полина говорила резко, временами переходя на крик. Дмитрий с изумлением смотрел на ее разом подурневшее лицо. Он вдруг почувствовал, что смертельно устал, ему страшно захотелось спать.

– Смешно сказать: его заботит душевное состояние европейцев! Ха-ха! Кого это сейчас волнует? На Западе давно не мыслят подобными категориями, да и у нас тоже. Оглянись вокруг: почти все наши друзья, ратующие за духовное возрождение России, покинули страну

и благополучно живут в безбожной Европе. Пора бы тебе снять розовые очки и наконец увидеть реальный мир!

Неизвестно, как долго Полина продолжала бы свою обличительную речь, Дмитрий очень скоро перестал различать ее слова.

Он понимал, что этот разговор сейчас надо прекратить, взглянул на жену и осекся: таким злым, неприятным, почти незнакомым она показалась: на бледном лице выступили красные пятна, на шее набухли вены, расширенные зрачки сделали светлые глаза почти черными. С тоской подумал: никогда не видел ее такой некрасивой. Возможно, он невольно произнес это вслух. Полина вдруг замолчала и, не глядя на него, тихо сказала:

– Вот что, нам надо пожить некоторое время врозь. Пожалуй, это единственная возможность сохранить наш брак.

– Даже так!? – Дмитрий провел ладонью по лицу. – Что ж, будь по-твоему.

Не говоря больше ни слова, поднялся и пошел к двери. В голове – только одно желание: лечь спать. Он машинально посмотрел на часы. Мысль о том, что успевает на «Красную стрелу», принесла некоторое облегчение. Он взялся за ручку чемодана; хорошо, что не успел его распаковать.

Полина вышла в коридор, произнесла с вызовом:

– Что за демарш? – Вглядевшись в лицо мужа, сказала мягче: – Ну правда, что за ребячество? Ты меня понял слишком буквально. Куда ты пойдешь на ночь?

– Мне надо по делам в Питер. Собирался туда на следующей неделе. Но... днем раньше, днем позже... Созвонимся!

Дмитрий открыл глаза. За окном мелькали пейзажи ближнего Подмосковья. Домой решил не заезжать, сразу же от вокзала взял такси и поехал в монастырь.

Отец Феофан встретил его светлой улыбкой, обнял, троекратно расцеловал. Не выпуская из своих объятий, вгляделся в лицо, обеспокоенно спросил:

– Что-то произошло?

– Да, потому и приехал. Как вы тут?

– Все слава Богу! Ну, пойдем в гостинный дом, поговорим. А может, сначала в трапезную? Там сейчас никого нет. Поешь, подкрепишься.

Завидев по дороге знакомого монаха, отца Арсения, Дмитрий поклонился и поздоровался. Тот оглянулся, внимательно посмотрел и, не сказав ни слова, быстро зашагал прочь.

– Что это с ним?

– Старость не радость. Никто не знает, чем кого наградит.

Вкратце поведав о поездке в Амстердам, тяжело вздыхая и часто останавливаясь, Дмитрий завел разговор о разрыве с женой.

– Полина говорит, что причина во мне. Я, мол, стал ортодоксальным славянофилом, чуть ли не шовинистом. Но это не так, ты же знаешь – я против шовинизма любого толка. Тем более когда речь идет о русской нации. Просто странно и неправильно, когда в своей стране нельзя сказать слово в защиту основообразующей нации. Что ни говори, ни один другой народ не сумел так естественно объединить вокруг себя столько разных племен, культур, религиозных верований. Долгое-долгое время русские и Россия тянули на себе груз колоссальной ответственности за все примкнувшие к ней народы, зачастую в ущерб своим интересам.

– Россия всегда была готова прийти на помощь угнетенным, бедствующим народам, – кивнул отец Феофан. – Сегодня она сама пребывает в трудном положении. От корней своих, традиций оторвана, союзников днем с огнем поискать, оплеванная, оболганная... И некому вступить за нее, некому сказать слово в защиту народа. Только и остается молиться да на Бога уповать! И что это за мода пошла: чуть что – это национал-шовинизм!

– Я могу понять, когда такие слова говорят другие, чьи интересы уже давно далеко за пределами родной страны. Чьи дети, внуки учатся, работают, создают свои семьи за границей... Много и таких, кто, живя в своей стране, презирает ее, не хочет пальцем о палец ударить для ее благополучия. Тех, кто радеет о России, не так много. Но Полина... Я свято верил, нет, просто знал – она из тех немногих, для кого Россия – не пустой звук. Это смысл, цель, способ существования! И вдруг... Почему она так переменилась, почему перестала понимать меня? Наверное, я сам виноват. Мне не хотелось замечать, что в последнее время мы редко говорили на серьезные темы, а как только разговор заходил о серьезном, Полина ссылалась на какие-то дела и уходила. Надо было настоять и дать ей возможность высказаться. Как еще можно понять человека, узнать его альтернативное мнение, попытаться принять его или переубедить в обратном? Главное – понять человека! Извини за многословие, опять я завелся, говорю, только искушаю тебя! Вы ведь здесь далеки от всего мирского...

– Бог с тобой, Дмитрий. Тебе ли не знать: монахи только сначала молятся о себе и своих близких, а по мере возрастания – обо всех людях, плохих и хороших, и обо всем Мире. В монастырских стенах тоже непросто постигаются понятия равенства, терпимости, свободы... А ты бы как определил это слово, что оно для тебя значит?

– Вряд ли смогу дать точное определение. Во всяком случае, это не то, что сегодня исповедует часть общества: «Свобода – это когда можно делать все что хочешь, и ничего тебе за это не будет».

– Ну, это уж совсем... Что-то из жизни неблагополучных подростков.

– Пожалуй. На мой взгляд, свобода – это внутреннее ощущение, не слишком зависимое от внешних обстоятельств. Достаточно вспомнить, что Леонид Андреев написал свою лучшую книгу в заключении.

– Андреева не читал, но знаю, что многие подвижники, заточенные в стенах, чувствовали себя свободными. – Скрестив на груди руки, отец Феофан внимательно оглядел Дмитрия и продолжил серьезно. – Свобода выбора – это священный Дар, данный Создателем своим детям. Каждый волен воспользоваться им по-своему, но и несет личную ответственность за свой выбор. Скажу тебе по своему разумению. Не то чтобы я сам выдумал... «Моя личная свобода – несвобода от Бога. Свобода от греха – высшая степень свободы человека».

– Сильно сказано! И точно. Хотя «свобода от греха»... Мне кажется, это почти недостижимо в нашем мире. Может, эти слова обращены только к духовным лицам?

– Нет, дорогой мой. Бог призывает к себе каждого, слышишь, каждого человека. Вот как велика наша предназначенность и ответственность за свой выбор.

– Это именно то, что я хотел и не сумел сказать Полине. То, что меня больше всего удивило и обеспокоило в Европе. Еще лет тридцать назад в литературе и в кино главным героем была личность, со своими проблемами, терзаниями, исканиями. А теперь пытаются сделать коллективного героя. Раньше считалось, что нужны индивидуалисты, теперь – стремление не высовываться. Не поверишь, в европейских школах немодно быть отличником. При участии в конкурсах побеждает не тот, кто нашел лучшее решение, а те, кто решил задачу сообща. Равенство всех и во всем – основной принцип жизни социума. Но ведь это абсурд. Кто будет выдавать новые идеи? Разве не идеями гениальных людей развивается мир? Трудно представить армию без командира. Подумай: когда дойдет до дела, к какому врачу поведут близкого человека – к середнячку или к выдающемуся таланту?

– В природе нет и не может быть абсолютного равенства, это тождественно хаосу. Все в мире структурировано и подчинено иерархическому принципу. Я понимаю твою тревогу и разделяю ее. В известной мере европейцы сейчас болеют нашими болезнями, вспомни недавнюю историю! Когда-то они молились за безбожную Россию, теперь пришел наш черед молиться о них.

Друзья уже прощались, когда в комнату вошел монах и подал Дмитрию небольшой заклеенный конверт.

– Отец Арсений просил передать и велел вскрыть только когда «небо покажется тебе с овчинку».

На немой вопрос Дмитрия отец Феофан только пожал плечами:

– Чудит наш брат Арсений, но ты сделай как он велит, носи конверт всегда с собой, может, и вправду пригодится.

Друзья троекратно обнялись и расцеловались.

– Ты теперь домой?

– Не знаю. Получил приглашение от брата, у него там намечается помолвка. Вроде и билеты уже купил, а сейчас думаю, стоит ли ехать. У людей праздник, а у меня настроение хуже некуда.

– Поезжай, поживи там. Родная земля сил придаст. Оторвались мы от своих корней, потому и радости лишились. Корни – великая сила.

6. Семейные будни

Алексей прислушивался к тихим шорохам за окном. Он еще не вполне пробудился, лежал с закрытыми глазами и вслушивался в звонкую дробь дождя. Эти звуки пробуждали воспоминания о чем-то полузабытом, милом, дорогом. Так бывало в первые дни весны: солнце дарило свой первый теплый поцелуй, и земля, еще промерзшая, не очнувшись от долгой зимней дремы, заполнялась радостными звуками капель.

«Капель! Ну конечно же, это капель! Конец коротким серым дням! Впереди тепло, свет, радость! Радость...»

«Алексей, с гор вода, станешь ты на ломкой льдине, и несет тебя куда, ветер теплый, ветер синий»... – вторил капли высокий девичий голос, лучший голос на свете.

Впервые он услышал это стихотворение из уст жены. Это был первый год их совместной жизни. Елена всегда была скупа на ласки, на слова. А как-то утром в день его рождения прочитала эти строки. Сколько нежности таил этот голос, этот взгляд... Ее робость и целомудрие восхищали его, будоражили воображение, придавали сил.

Она ждала любви и не допускала к себе никого – считала, что неспособна любить! Вечная девочка, невеста... Как старалась быть хорошей женой, и стала ей. Мы были по-настоящему счастливы. Только тогда этого не поняли, не успели»...

– Алексей, завтрак готов! – постучав в дверь, Кристина вошла в комнату, привычным движением раздвинула шторы на окне. – На улице сильный дождь, на дороге надо бы поосторожней! Лучше пораньше выйди из дома. Не забыл, у тебя назначена встреча на десять?

– Да-да, помню, – отозвался Алексей.

Подойдя к окну, посмотрел на небо. «Да, это надолго. Что за лето в этом году»...

Весенняя капель и связанные с ней воспоминания не мешали сосредоточиться на предстоящих планах – они остались там, за потаенной дверцей в сердце, закрытой ото всех надежным ключом.

– Доброе утро! – в один голос поздоровались дети, Костя и Ниночка.

– Привет отличникам! – улыбнулся им Алексей. – Что это вы так поздно? Ах, чуть не забыл, у вас горячая пора – экзамены! Ну как, готовы к сегодняшнему бою?

– Вчера сидели до одиннадцати, штурмовали учебники. Если б не отправила спать, сидели бы всю ночь, – сокрушенно покачала головой Кристина. Но глаза улыбались. Она была горда успехами своих детей. Своих, хоть и не родных по крови. «Да какая разница! Недаром говорится: не та мать, что родила, а та, что воспитала! – часто повторяла она. – А воспитаны они хорошо!»

Ниночка ей стала настоящей помощницей в делах и наперсницей в жизни. Так уж получилось, что с самых первых дней девочка не отходила от нее ни на шаг. Костик – другой. Относится с уважением, но обсуждать свои проблемы предпочитает с отцом. Отец... Как долго у детей не получалось называть их отцом и мамой. Только узнав о смерти своей родной матери, молодой несчастной женщины, погибшей от беспутной жизни и алкоголизма, дети стали меняться, начались еле заметные подвижки. Да и время лечит, жизнь берет свое. Первое время ребята учились в престижной школе, на уроках литературы не раз поднималась тема «Профессия моих родителей». Наверняка детям было не по себе от подобных заданий, но деваться некуда. Велено писать о родичах – пиши. Рассказывать о жизни родной мамы не хотелось, да и о чем говорить, если она никогда толком не работала. Приемные родители – другое дело... Известные в городе люди... О клинике, в которой оба работали, писали в журналах, даже показывали по телевизору. Дети безусловно уважали их, но продолжали называть по имени-отчеству.

В элитной школе дети проучились всего год. Сверстники – народ наблюдательный; хотя и одеты детки были прекрасно, и воспитаны неплохо, окружающим резал слух и их говорок, и особая, принятая в монастырской школе манера поведения. В общем, своими для товарищей по школе они так и не стали. Дети об этом ничего не говорили, но Кристина очень остро чувствовала все оттенки их настроения, поговорила с преподавателями, с некоторыми учениками... Посоветовавшись с Алексеем, перевели детей в православную гимназию. Вот тут они просто расцвели. Порядки в этой школе мало чем отличались от монастырских. Именно здесь им помогли осознать, что все случается по воле Божией. И если люди взяли на себя ответственность за их жизнь, воспитание и просто прокормление, то они заслуживают не только благодарности и любви, но и высокого звания родителей.

Так постепенно, сбиваясь поначалу на имя-отчество, дети стали называть их папой и мамой. Привычка взяла свое. Кристина была очень счастлива. Алексей никогда не настаивал, чтобы дети называли его отцом, его вполне устраивало положение приемного отца. Но ей, ей было просто жизненно необходимо признание детей: этот факт воспринимался ей как гарантия того, что у них полноценная семья. Алексея она знала хорошо; нравилось ему или нет, но он стал больше заниматься детьми, чаще проводил свободное время дома. Постепенно все вокруг стали воспринимать их как единое целое.

Став центром объединения семьи, Кристина обрела настоящий душевный покой. Забот по дому стало столько, что на семейном совете было решено освободить ее от работы. Ребята дневали и ночевали в Медицинской Академии. Помимо основных занятий проводили много времени в экспериментальной научно—исследовательской лаборатории.

Кристина редко куда выходила, разве что с Полиной вырвется куда-нибудь ненадолго. После приснопамятных событий у них сложились особые отношения. Полина стала ее лучшей, вернее сказать, единственной подругой. Полина доверяла ей все свои тайны. Последняя из них не давала Кристине покоя. Она дала слово, что никому, особенно мужу, не расскажет о ней. Кристина не находила себе места, потому что не знала, как помочь подруге, а посоветоваться с кем-то нельзя – слово дала помалкивать. «Как это могло случиться с ними? Да, люди разведятся, и для этого есть разные причины. Но Полина и Дмитрий?.. Красивые, умные, честные... Разводиться из-за каких-то там идейных соображений?! Дикость какая-то!»

7. Второй День рождения

Мельком взглянув на часы, Тина ахнула: уже два часа, а воз и ныне там. Вроде и встала пораньше, и с вечера сделала кой-какие заготовки, а толком еще ничего не готово. «Раньше за три часа все успевала – и убратся, и наготовить, привести себя в порядок... Не то что сейчас. Возраст, наверное, ничего не поделаешь. Хочешь не хочешь, приходится считаться. Пора сделать небольшую паузу, попить кофейку».

Тина механически протянула руку к полке, достала ручную кофемолку, насыпала обжаренных зерен. Не спеша принялась молотить кофе. Это было самым любимым ее делом в домашней работе, нет, не делом, скорее ритуалом. И бабушка, и мама исполняли его почти благоговейно. Их лица при этом были спокойны, сосредоточены, немного печальны. О чем они тогда думали, о чем мечтали... Как жалко, что мало говорила с ними, все времени не хватало... Тина горько усмехнулась. Время...

Почти четверть века Тина отмечает день рождения дважды, в декабре и в июне, десятого числа. В тот злополучный день Елена заслонила ее от пули грабителя. Сама погибла, а подругу спасла. Вторая пуля прошла по касательной и лишь ранила ее. Так что десятого июня в доме отмечаются две даты: даты второго рождения Тины и смерти Елены.

Восстановление Тины проходило долго и тяжело. После выздоровления занялась привычной работой – управлялась, и неплохо управлялась, в своем кафе. Но как только муж стал зарабатывать нормальные деньги, вышла из бизнеса.

У мужа, слава Богу, дела идут в гору. Сын долгое время не мог найти себя в жизни. Спасибо, армянские родичи взяли его в оборот. Сейчас Роберт живет и работает в Амстердаме, имеет в собственности два небольших магазинчика. У Кристины муж – лучше и не надо, дети хорошо воспитаны, студенты, мать любят, даром что приемные.

Тина так задумалась, что не сразу услышала звонок в дверь.

– О, какой запах! Я уже на лестничной площадке почувствовала, – Ирина приостановилась в дверях и глубоко вдохнула. – Прими сумки, там Сашка передал какие-то бутылки, виски кажется, какой-то особенный сорт.

– Ты вовремя! Только-только собиралась сварить кофе.

Наскоро поцеловав подругу, Тина достала почерневшую от времени турку и бережно засыпала смолотые зерна.

– Божественно! В Москве нигде такого не выпьешь! – Ирина зажмурилась и покачала головой. – Признайся, Тинка, есть же какой-то секрет?

– Все секреты перед тобой – ручная кофемолка, старинная турка, первосортный кофе и мягкая вода. Сто раз тебе это говорила.

– А я сто раз повторяла, но ничего подобного не получается.

– Вот и хорошо. Будет причина почаще приходить ко мне, – не скрывая удовольствия, улыбнулась Тина. – У тебя новая прическа? Молодец, ты всегда на высоте.

– Приходится. Ты же знаешь, Сашка тот еще ходок!

– Да ладно тебе! Небось прошли те времена, «отговорила роща золотая...»

– Ну ты даешь! Для современных девиц неважно, «отговорила роща» или нет, главное, чтобы золотая была!

Подруги невесело засмеялись.

– Впрочем, все под контролем. А у тебя с Иваном как? Вчера забежала в офис, перекинулась с ним парой словечек. Хорош, ничего не скажешь, с возрастом даже еще интересней стал. Появилась в нем этакая уверенность, уравновешенность. Наши девчонки не оставляют попыток заинтересовать его. Он, надо сказать, тоже не обделяет их вниманием, балует. На праздники, дни рождения делает такие подарки...

– Ну и что. Ну потратит он какую-то сумму на своих «обожательниц». На нашем семейном бюджете это не отражается – вот что главное. Никаких серьезных дел с девчонками у него нет и быть не может.

– Уже?..

– Дело не в этом. Иван брезглив очень. Петушится больше так, для общего тонуса. Так что пусть себе играет, повышает свою мужскую самооценку. Он никогда не уйдет из семьи. Привычка, знаешь ли, дорогого стоит.

– Я в этом и не сомневаюсь. Хочешь картинку из жизни? Его новая секретарша...

– Нора? О ней ваши девчонки уже докладывали. Говорят, девушка из кожи лезет, чтобы понравиться шефу. Тенью за ним ходит, ездит с ним на все совещания, и так и сяк для него старается.

– До недавнего времени все так и было. А тут случай. Мы с Иваном стояли у его машины, тебя ждали. Норка и тут его достала. На меня, старую клюшку, она конечно ноль внимания, сладким голоском о каких-то пустяках чирик-чирик, в глазки заглядывает, по плечу нет-нет да и проведет. И тут Иван завидел тебя, засветился весь, улыбка во весь рот. Говорит: «Вон мой квадратик бежит!» И так он это сказал, что дураку ясно: здесь ловить нечего. Норка это сразу поняла, потускнела... Впрочем, долго грустить ей не пришлось. В информационном отделе появился новый сотрудник, такой красавчик... Зарплата больше, чем у начальника отдела. Выхоленный, спортивный, самоуверенный. Так что все наши девчонки переключились на него.

– Нам с нашими мужиками повезло. Недавно приезжала из Израиля его бывшая жена. Выглядит шикарно, я даже немного занервничала. А потом ничего, Ритка мне понравилась. Реальная баба. В Израиле у нее свой бизнес.

– Она ведь математик?

– Была когда-то. Но быстренько поняла, что на этом поприще денег не сделаешь. Пошла работать в магазин электронной техники. Сначала продавцом, потом менеджером, потом совладелицей, потом полновластной хозяйкой целой сети магазинов. Я ее уважаю. И сынок у них хороший, в Америке сейчас живет. Но с Сашей у них не сложились отношения.

– У Александра свет в окне – ваша дочечка.

– Это точно! После ее рождения он сильно изменился. Разумеется, я как мать люблю дочку, но куда мне до его обожания! Души в ней не чаёт. Да и она ему отвечает тем же. Папина дочка у нас вышла.

– Ревнуешь?

– Что ты!

– Славная у вас Сонечка. И умница, и красавица.

– Да и у тебя дети хорошие, грех жаловаться! Кстати, где Кристинка-то? Ты ж говорила, она обещала помочь тебе?

– Скоро придет. Они с Полиной где-то в магазинах зависли.

– Хорошо, что они подружились. Вообще удивительно, как в жизни все переплетено. Елена тебе жизнь сохранила, а Кристина спасла от смерти ее дочь.

– Ну, не от смерти...

– Даже хуже. Неизвестно, чем закончилось, если б те уроды ее увезли в машине.

– Подумать страшно!..

– То-то! А видишь, как все обернулось: Кристинка вышла замуж за Ленкиного мужа, девчонки теперь дружат, не разлей вода... Сегодня все придут?

– Все, кроме Макса. Он бубнил что-то невнятное, почему не сможет приехать, но я поняла, что из Америки в Россию сейчас не рекомендуется выезжать.

– О как!

– Зато у нас сюрприз: Вероника звонила, они с мужем сейчас по делам в Москве. Возможно, заглянут к нам. Я Полину предупредила, попросила захватить портрет.

- Какой портрет?
- Елена написала портрет Фрица, незадолго до... Переслать в Германию не успела. — Взяв чашку с недопитым кофе, Тина резко поднялась и направилась к мойке.
- Тин, ну что ты, правда... Сколько времени-то прошло А знаешь, иногда я думаю, что Ленка тогда поступила так по дурасти! Чего ты так смотришь?
- Не смей...
- Чего это «не смей»? Что думаю, то и говорю!
- Ты упрекаешь Елену за то, что она спасла меня?..
- Ну почему же... А впрочем, да. Зачем она это сделала? Сама погибла, девку осиротила...
- Каждая из нас это сделала бы.
- Себе-то не ври. Ты никогда такого не сделала бы, потому что прежде всего подумала бы об Иване, о детях, о маме.
- А ты?
- И я не полезла бы под пули, потому что себя люблю и жалею. Да, а что в этом удивительного? Я тогда только-только узнала, что такое счастье. И вдруг потерять его... Нет. И Ленка... она должна была прежде всего подумать о своей дочке, о стариках!
- Прекрати, – Тина закрыло лицо руками и замотала головой.
- Прости. Что-то меня занесло. Я только для того говорю все это, чтобы ты себя так не изводила. Ленку не вернешь... А потом... что ты из нее делаешь святую? Она была нормальной бабой. И знаешь, не хотела тебе говорить, но если уж на то пошло... у нее был любовник.
- Ну что ты выдумываешь!?
- Ничего не выдумываю. Не веришь? Я бы и сама раньше не поверила. Но вот тебе факт: после похорон мать Елены разрешила мне взять что-нибудь на память, какой-нибудь пустяк. Как понимаешь, я в вещах не рылась, открыла первый попавшийся ящик, а в нем письма, целая пачка писем Фрица и одно ее неотправленное письмо.
- И ты осмелилась читать их?
- А чего такого? Я же не думала, что там про любовь. Начала читать, а потом не смогла остановиться. Так все красиво написано. И потом мне хотелось понять, как такое могло получиться: ведь у Ленки всегда был железный принцип, чужой мужик для нее не существовал.
- Неужто и впрямь думаешь, что они были любовниками?
- Я не утверждаю, что они постоянно встречались. Но знаю точно: Фриц несколько раз приезжал по делам, и они общались.
- Ну ты даешь! Они встречались, потому что тянулись друг к другу, как близкие по духу люди. Они смотрели на мир одними глазами, как говорится, «одним дыша, одно любя...» Вероника знала об их отношениях и поддерживала их.
- Да ты что?!
- Забыла Веронику? Она всегда была умной и рациональной, даже слишком. Людей считывала на раз-два. Знаешь, я раньше не понимала, почему Елена общается с Вероникой и ей подобными. Только со временем уразумела, что общаться с сильными мира сего очень удобно. Там нет никаких иллюзий, они обладают способностью, врожденной или приобретенной – не суть, – разглядеть в каждом индивидууме то ценное, что в нем есть, и использовать это с обоюдной пользой. Такие как Елена – для них находка: никогда ничего не попросит, не предаст, если ненароком узнает что лишнее, умрет, а никому не расскажет. Так что наша Вероника сразу поняла: беспокоиться незачем. Этим двоим ни от этого мира, ни друг от друга ничего не надо. Они как птички небесные сидели бы на веточке и песенки распевали. Так что Веронике от их отношений только польза: идиллическая любовь реальной жизни не помеха, зато места для других сюжетов уже нет.

– Интересное дело... Значит, ты знала о их романе, пусть и платоническом, знала и молчала?

– Я много чего знаю. Мало ли что ты мне рассказывала – об этом тоже никто и никогда не узнает.

Не дав подруге возразить, Тина поднялась:

– Слышишь, дверь открывается, и голоса в прихожей? Наверное, девчонки пришли. Надеюсь, они наших разговоров не слышали. А то подумают, что тетки на старости лет в маразм впали, о любви толкуют.

– Ну и что! Пусть знают, что жизнь может начаться и в сорок, и в пятьдесят, и в шестьдесят...

– Во всяком случае, она продолжается. Придет время, сами это поймут.

8. Нескучные поминки

Вынимая покупки из пакетов, Ирина рассыпалась комплиментами по поводу «неземной красоты» Полины, ее наряда и качества выбранных продуктов.

– С Кристиной я часто встречаюсь, а тебя целую вечность не видела. Хорошеешь! А Дмитрий разве не с вами? Он ведь уже вернулся из поездки?

– Вернулся. И сразу же уехал в Питер, – небрежным тоном ответила Полина.

– Что ж так? Раньше он никогда не пропускал этот день.

– Мало ли что было раньше...

– Вы что, поссорились? – встревожилась Тина.

– Не то чтобы поссорились... Дмитрий в последнее время стал невыносим. Я думала, в отпуске отдохнет, успокоится. Амстердам – такой милый город, маленький, уютный. А он не успел в дом войти, как с порога стал критику наводить: то ему не так, это не так. Не нравится ему, видите ли, сегодняшняя западная демократия.

– Ну и что? Сейчас сами западники говорят о кризисе либеральной идеи.

– Это их дело, им можно. А он приезжий, человек со стороны, и не имеет права...

– На высказывание? – Ирина оторвалась от готовки и с удивлением взглянула на девушку. – Это что-то новенькое!

– Никому не возбраняется иметь собственное мнение по любому вопросу, о жизни в Европе в том числе. А твой Дима, между прочим, имеет на это особое право. Что ни говори, а он немец, – назидательно произнесла Тина.

– Да какой из него немец?!

– Самый натуральный. У него же родители – русские немцы?

– Мама – чистокровная немка, а отец наполовину. Но это неважно. Он родился и воспитывался в России, родители говорили по-русски.

– Нет, дорогая моя! Кровь – дело серьезное. Вот я родилась и училась в Москве, говорю только по-русски, в Ереване была всего раз в жизни, а все равно чувствую себя армянкой. Все дело в корнях, в них великая сила, и отказываться от них грех!

– Извините, но я с вами не соглашусь, – сдвинула брови Полина.

– Хватит болтать, девушки! – решительно прервала разговор Ирина. – Скоро шесть, а у нас ничего не готово. Надевайте фартуки – и за работу!

К семи часам гости были в сборе. По сложившейся традиции сначала помянули Елену и ее родителей. Потом выпили за новое рождение Тины, за семейное благополучие, за детей. Хозяйка не только угощала гостей, но и умело направляла беседу в нужное русло. Ее стараниями за столом царила дружелюбная, по-семейному теплая атмосфера. Иван вдруг некстати вспомнил, что на телеканале «Культура» должны показать передачу, посвященную столетию революции.

– В разговоре принимают участие известные эксперты, действительно знающие и уважаемые люди, – извиняющимся тоном пояснил он.

– Мог бы посмотреть передачу и в записи, – укоризненно покачала головой Тина.

– Начало мы уже пропустили, осталось всего полчаса, – оправдывался Иван.

– Ну что с вами делать, смотрите! А мы пока здесь приберемся, подготовимся к горячему.

– Ой-ой, смотрите! – громко вскрикнула Полина. – Это же наш профессор, человек энциклопедического ума, бездна обаяния, остроумия. Я хочу его послушать.

– Ну-ка, ну-ка! И я хочу приобщиться, вдруг и впрямь скажут что-то новенькое, – заинтересовалась Ирина. Несмотря на свои намерения, Тина осталась за столом и вместе со всеми досмотрела передачу до конца. – Я ожидала большего, – разочарованно произнесла Ирина.

– Да уж, сто лет прошло, а все одно, воду в ступе толкут.

– Нет, несколько свежих идей промелькнуло, – вяло возразил Иван. – Озвучены наконец-то документы, подтверждающие участие в подготовке переворота иностранных разведок, заинтересованность промышленного и банковского капитала в самой России.

– О том, что революция была импортирована с Запада, всем известно.

– Ты это говоришь с позиции сегодняшнего дня. Вспомни, как горячо раньше отвергалась даже мысль о германских деньгах, полученных большевиками.

– Любое сокрытие правды для решения сиюминутных задач – обычное дело для политиков. Простой пример: никто и никогда не заикался, что автор большевицкой «библии», Маннфеста коммунистической партии, ненавидел славян и православие. Вряд ли у Маркса было бы столько почитателей в России, знай они об этом.

– Разве могла случиться октябрьская революция, не будь февральской? Вот с чего надо было начать, – уверенно сказала Тина. – О красном терроре еще до Троцкого говорили не только Ленин, но и Мартов, и даже Плеханов, которые были весьма умеренными революционерами. А почему так мало говорят о периоде правления Керенского? Голод, холод, расшатывание умов и устоев... В Петрограде тогда не осталось богатых не разграбленных квартир.

– Все началось гораздо раньше, с середины девятнадцатого века. Тургенев прекрасно описал в романе «Отцы и дети», – высказала свое мнение и Кристина.

– Да что вы как попугаи: Сталин, Ленин, Троцкий... Как не надоело говорить одно и то же! – неожиданно зло сказала Ирина. – Меня уже тошнит, когда слышу обвинения в адрес тех, кого давно нет в живых. Смешно сегодня рассуждать о причинах революции. Ладно бы, рассуждали об этом лет двадцать назад, а сейчас-то что? Маски сорваны, господа! Никто ничего не скрывает. Технологии революций давно перестали быть секретными: заинтересованность крупного бизнеса извне, готового потратиться на свержение неугодных правительств, продажные СМИ, молодежь, неспособная совладать с бушующим внутри хаосом, и критически настроенная либеральная прослойка, которой страх как хочется порулить. Все это давно известно и описано в учебниках. Лучше бы поговорили о роли «молчаливого большинства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.